

«Варшавский дневник» в конце 1870-х – 1880-е годы

Александр Котов

В середине 1870-х гг. в России появился термин «революционный консерватизм». В современной политической публицистике он нередко используется в качестве аналога немецкой «консервативной революции». Формально оба эти понятия действительно совпадают, подразумевая утверждение традиционалистских идеалов революционными средствами. Однако по сути немецкий концепт прямо противоположен русскому: в нём выражалась романтическая претензия германской межвоенной молодёжи на историческое творчество, в России же он воспринимался как парадокс, отражающий некое латентное свойство, присущее русским революционерам, несмотря на всё их западничество¹. Иное, но также парадоксальное значение вкладывал в понятие «революционный консерватизм» Ю.Ф. Самарин. Юрий Фёдорович видел в нём «рационализм в действии», «формально правильный силлогизм, обращённый в стенобитное орудие против живого быта»². Таким образом, «революционный консерватизм» фактически отождествлялся с догматизмом и нигилистическим по духу бюрократическим произволом, разрушающим естественный порядок вещей.

Разумеется, монополией на защиту «естественного порядка» и «живого быта» славянофилы не обладали. При чтении консервативной публицистики 1860–1880-х гг. складывается впечатление, что обвинение в «революционном консерватизме» – не более чем полемический ярлык, который пытались использовать друг против друга русские охранители. Так, в 1860-е гг. М.Н. Катков нередко обвинял в нём сторонников сословного консерватизма из газеты «Весть»: «Тот же дух, который веял тогда социализмом, – писал он, – дует теперь собственностью. Тогда этому духу нужен был язык “Современника”..., теперь ему пригоднее статейки “Вести”»³. Позже Н.П. Гиляров-Платонов предьявлял схожие обвинения самому Каткову: «Ужасающие выходы революционной шайки должны быть на бо́льшую половину поставлены в вину “Московским ведомостям”... Они отлично распахивали почву, рассеивали недовольство и озлобляли публику, так что публика под конец пассивно относилась к злодействам»⁴. В этом же упрекал К.Н. Леонтьева и П.П. Цитовича И.С. Аксаков, утверждавший, что «всякая реакция репрессивного свойства расчищает место для нигилизма»⁵. Однако и ему приходилось слышать подобные упреки от Н.Н. Дурново, обвинявшего «Русь» в потакании болгарским радикалам⁶. А К.Ф. Головин писал в своих воспоминаниях, что

© 2013 г. А.Э. Котов

¹ *Достоевский Ф.М.* Дневник писателя. 1876 // *Он же.* Собрание сочинений в 15 т. Т. 13. СПб., 1994. С. 202–203.

² *Самарин Ю.Ф., Дмитриев Ф.М.* Революционный консерватизм. Берлин, 1875. С. 10.

³ *Катков М.Н.* Собрание передовых статей «Московских ведомостей». 1866 год. М., 1897. С. 552.

⁴ Разумевающие верой: Переписка Н.П. Гилярова-Платонова и К.П. Победоносцева. СПб., 2011. С. 194.

⁵ Цит. по: *Фетисенко О.Л.* «Гептастилисты»: Константин Леонтьев, его собеседники и ученики. СПб., 2012. С. 172.

⁶ *Дурново Н.Н.* Государства и народы Балканского полуострова. М., 1890. С. 4.

«революционный чёрт» пользовался славянофильством, «показывая даже в иной час своё свиное копыто»⁷.

Ложному, антинациональному и ведущему к революции консерватизму нередко противопоставляли консерватизм «подлинный», т.е. «свободный», основанный на христианском персонализме. Отметив, что впервые этот термин употребил П.А. Вяземский (по отношению к А.С. Пушкину), современный исследователь В.Н. Шульгин характеризует «свободный консерватизм» как «христоцентричное движение, которое, несмотря на различные оценки, являлось в целом единым в его противостоянии как коронной бюрократии, никак не умевшей расстаться с западничеством, феодально-абсолютистским или либерально-космополитическим, так и усиливавшемуся катастрофически ордену безбожной радикальной интеллигенции»⁸. При всём изяществе данной формулировки, нельзя не отметить её уязвимость. Вряд ли К.П. Победоносцеву, переводившему Фому Кемпийского, можно отказать в «христоцентричности» сознания. Не страдал Константин Петрович и от любви к «ордену безбожной радикальной интеллигенции». Между тем, назвать обер-прокурора Св. Синода *свободным* консерватором возможно лишь с очень большой натяжкой – достаточно вспомнить эпитеты, которыми его награждали в своей переписке К.Н. Леонтьев и Т.И. Филиппов («безвоздушная гробница», «старая “невинная” девушка», «казённый и деревянный», «Питерский Копроним», «гноименитый», «мельхиоровый патриот», «внух Миртилл»)⁹.

Нетрудно заметить, что разница между «консервативными революционерами» и «свободными консерваторами» та же, что между «разведчиками» и «шпионами» в советском кинематографе. Подобная «вкусовщина» при анализе истории общественной мысли неизбежна, и историк рискует здесь «из охотника превратиться в дичь», т.е. сам рано или поздно обречён стать участником идеологической дискуссии. Однако идеологические симпатии и антипатии не должны заслонять от нас ещё один важный аспект русского консерватизма XIX в.: упреки в «революционности», делавшиеся консерваторами друг другу, во многом имели под собой основание уже потому, что любой политический консерватизм, будучи идеологией эпохи модерна, неизбежно содержал в себе черты своего времени. Черты эти лучше всего проявлялись не в тяжеловесных «теоретических разработках» классиков консервативной мысли, а в газетной публицистике второстепенных её представителей – тех, в чьих головах идеология «кристаллизуется» и вступает в соприкосновение с реальностью.

Газета «Варшавский дневник» – один из самых интересных примеров такого «революционного консерватизма». Современному читателю она известна прежде всего тем, что в 1880 г. в ней сотрудничал и, по собственному признанию, «делал там, что хотел», К.Н. Леонтьев. Особые цензурные условия, в которых находилась газета, своеобразии её аудитории (русские в Польше по понятным причинам пребывали в некоторой изоляции), само положение на периферии «русского мира» – всё это обусловило определённую свободу газеты и тот доверительный тон, которым она обращалась к своему читателю. Кроме того, неустойчивость положения издания вела к сравнительно частой смене редакторов. За 1880-е гг. на этом посту побывали представители практически всех направлений русского консерватизма того времени.

⁷ Головин К.Ф. Мои воспоминания за 35 лет (1859–1894). Изд. 2. Т. 2. СПб.; М., б.г. С. 296, 299.

⁸ Шульгин В.Н. Русские свободные консерваторы XIX в. об остзейском вопросе. СПб., 2009. С. 8.

⁹ Пророки Византизма: Переписка К.Н. Леонтьева и Т.И. Филиппова (1875–1891). СПб., 2012. С. 196, 259, 329–330, 426, 473. Подробнее о книге см.: Российская история. 2012. № 3. С. 208–211. См. также: Фетисенко О.Л. Столп Церкви или новый Копроним: К.П. Победоносцев sub oculis Т.И. Филиппова и К.Н. Леонтьева // Константин Петрович Победоносцев: мыслитель, учёный, человек. Материалы международной юбилейной научной конференции, посвящённой 180-летию со дня рождения и 100-летию со дня кончины К.П. Победоносцева. СПб., 2007. С. 109–119.

История газеты тесно связана с политикой русификации западных окраин империи. В 1864 г. официальная газета Царства Польского была преобразована в ежедневный «Варшавский дневник». Первоначально она выходила двумя отдельными изданиями (на русском и польском языках), а редакторы обоих подчинялись «директору официального дневника Царства Польского». В 1871 г. издания были поручены одному редактору – причём из гражданских, а не военных, как ранее, чиновников¹⁰, а в 1876 г. польская версия была упразднена. В 1870-е гг. отличительной и признаваемой самими властями чертой этого «органа администрации Царства Польского» была бессодержательность и «официальная сухость»¹¹. Ответственность за это отчасти лежала на Главном управлении по делам печати. Например, в августе 1871 г. редакция подверглась взысканию за то, что «Варшавский дневник» помещал «политические статьи об австрийских славянах, более или менее сочувственные им и при том в таком обилии, что едва ли не в каждом номере политические статьи о славянах составляют около половины политических статей номера. В последних же вышедших номерах печатаются такие же сочувственные статьи, если ещё не более сочувственные о славянах Турции. Как первые из этих народностей стремятся к сепаратизму в Австро-Венгрии, и последние не только к полному сепаратизму, но даже и к собственной государственной самостоятельности... Подобные статьи, и притом в таком обилии, не нужны в официальной газете, издающейся в Привисленском крае, где правительство наше стремится к примирению и объединению поляков с господствующим населением империи»¹². В июне 1873 г. газете досталось за «неуместное для официального русского органа в крае употребление слов “Империя” и “Варшава”»¹³.

11 ноября 1875 г. председатель Варшавского цензурного комитета Н.И. Рыжов и редактор «Варшавского дневника» профессор Н.В. Берг были вызваны телеграммой в Главное управление по делам печати. По требованию министра внутренних дел временно исправляющий должность начальника Главного управления В.В. Григорьев должен был «устроить, когда они явятся, совещание о преобразовании варшавского “Дневника”»¹⁴. Обсудить предполагалось прежде всего финансовую сторону дела: казённой субсидии не хватало, редакция тщетно просила о дозволении повысить в 2 раза расценки на объявления, а типография Варшавского учебного округа постоянно жаловалась на несвоевременное внесение «причитающейся платы за печатание Дневника»¹⁵. Но главным предметом обсуждения должна была стать личность редактора газеты.

Николай Васильевич Берг «являл собой редчайший случай университетского преподавателя, не имевшего даже высшего образования»¹⁶. Человек с богатой биографией и немалыми способностями, женатый на польке переводчик А. Мицкевича, Берг был сторонником «политики примирения» с польской интеллигенцией¹⁷. Получив в 1876 г. соответствующее разрешение, он начал активно публиковать в «Варшавском дневнике» не только официальную информацию на польском языке, но и русские переводы польской беллетристики, а также польские – русской. Уже в 1877 г. варшавский генерал-губернатор П.Е. Коцебу жаловался А.Е. Тимашеву: «Как произведения первых не представляют литературных и художественных особенностей, способных, тем более в переводе, возбудить охоту к чтению их в среде русских читателей, так повести и рассказы русских авторов, в переводе их на польский язык, вряд ли могут представлять хотя какой-либо интерес для тех же русских читателей, из которых при нынеш-

¹⁰ РГИА, ф. 1088, оп. 1, д. 897, л. 1.

¹¹ Там же, ф. 853, оп. 1, д. 140, л. 1.

¹² Там же, ф. 776, оп. 2, д. 9, л. 109–109 об.

¹³ Там же, оп. 4, д. 62, л. 1.

¹⁴ Там же, оп. 11, д. 114, л. 1–2.

¹⁵ Там же, л. 26, 131.

¹⁶ Михальченко С.И. Историко-филологический факультет Варшавского университета. 1869–1917. Брянск, 2005. С. 61.

¹⁷ Аксёнова Е.П. Славистика в Варшавском университете (по воспоминаниям Н.И. Кареева) // Славистика в университетах России. Тверь, 1993. С. 171.

них условиях дневника состоит большинство его подписчиков... Редакция проходит полным молчанием о таких произведениях польской печати, которые действительно заслуживают внимания русской публики». Особо беспокоила Коцебу некомпетентность редакции. «Едва ли, – считал он, – может быть поручаема ей разработка статей по вопросам, требующим как специальных знаний в области государственных наук, так и серьёзного понимания особенностей и условий местного управления и местной общественной жизни, в её разнообразных соотношениях»¹⁸.

К моменту вызова Рыжова и Берга в Петербург в Главном управлении уже лежал альтернативный проект П.К. Щебальского и Н.П. Воронцова-Вельяминова, предполагавший превращение «Варшавского дневника» из «официальной» газеты в «официозную». Пётр Карлович Щебальский был, пожалуй, самым неконфликтным человеком из окружения М.Н. Каткова. Во всяком случае, его имя не связано ни с одним из скандалов, обильно возникавших вокруг П.М. Леонтьева, Н.А. Любимова, С.С. Татищева, И.Ф. Циона и проч. Бывший боевой офицер-«кавказец» и бывший же московский полицмейстер, этот публицист и историк-популяризатор пользовался устойчивой репутацией либерала. С 1871 г. Щебальский служил сначала в сувалкинской, а затем и в варшавской учебной дирекциях, неплохо знал Польшу и – вполне в духе Каткова – «делал ставку на самую серьёзную государственную поддержку русской колонизации Царства Польского»¹⁹.

Назначение Петра Карловича многими считалось свершившимся фактом. Н.С. Лесков, например, всегда испытывавший «почтительное удивление» перед личными достоинствами Щебальского, уже начинал беспокоиться: «Как Вы будете Ваши либеральные чувства сберегать в газете официозного характера?.. Ах, как это всё ненадёжно и как самый либерализм тускнеет, когда его проводят в газете не вполне независимой! По-моему, чисто официальные издания гораздо лучше полуофициальных, или субсидиальных, и это не мне одному так кажется. Не скрою от Вас, что *хорошие* люди даже жалеют, что Вы берётесь за эту газету!»²⁰. Переживали «хорошие люди» напрасно: начальство проект Щебальского не устроило.

В представленной историком программе подчёркивалось особое значение печати «в крае, в вековых традициях которого борьба с политическими интересами России составляла важнейшую задачу политических деятелей всех так называемых интеллигентных классов населения». Отмечалась и тесная связь между либеральными реформами и постепенной русификацией мятежной окраины: «Та же царственная рука, которая вывела Россию на новый путь во всех отправлениях её внутренней жизни, открыла также и для Царства Польского новые пути для обновления и развития её гражданственной деятельности в направлении противоположном преданиям Речи Посполитой. В этом именно направлении, выражаемом в слове “слияние с Россией”, общественная, самостоятельная деятельность края не успела ещё выработать каких-либо особенно видных результатов, и надо быть слишком самонадеянным оптимистом, чтобы скоро на них рассчитывать». Далее следовали конкретные предложения, судя по многочисленным пометкам и вопросительным знакам, не вызвавшие энтузиазма у просматривавшего документ члена совета Главного управления по делам печати В. Фукса. Так, им было выделено замечание о том, что печать должна «освежать» «деятельность официальную, всегда склонную, при отсутствии гласности, к некоторому усыплению и застою». Также не понравились Фуксу указания на необходимость увеличения «материальных средств» издания и предоставления ему «известной степени свободы», на чём Щебальский и Воронцов-Вельяминов настаивали особо. «Нижеподписавшиеся, – заявляли они, – не могут не высказать с полной откровенностью, что в видах обеспечения и охранения своих материальных интересов для них было бы и спокойнее,

¹⁸ РГИА, ф. 776, оп. 11, д. 114, л. 134–136.

¹⁹ Горизонтов Л.Е. Парадоксы имперской политики: Поляки в России и русские в Польше (XIX – начало XX в.). М., 1999. С. 144–145.

²⁰ Лесков Н.С. Собрание сочинений в 11 т. Т. 10. М., 1958. С. 429.

и прибыльнее подчиниться правилам цензуры предварительной, и притом наиболее строгой. Цензурные фильтры, процеживающие человеческую мысль, очищают её, как известно, от всякой почти ответственности не только пред формальным судом, но и пред судом публики и общественного мнения. Но если в этом сознании безответственности может спокойно прозябать личный интерес, то в нём не может быть места для сознания более честного и широкого, для сознания своего долга в деле служения отечественным интересам. Дозволительно думать, что в нашем положении всякая цензура вручаемого нам издания едва ли может быть целесообразна, для кого бы то ни было желательно. Никакая редакция не могла бы, конечно, поручиться, чтобы в её газете не случались промахи, ошибки, преувеличения, чтобы при оценке различных событий и мнений всегда соблюдать в ней надлежащий такт; чтобы, наконец, не прорывались в ней по временам некоторые излишества в заявлениях, изобличениях и указаниях, возбуждающих жалобы и неудовольствия оскорбленных самолюбий различных властей и ведомств. Но все эти бурные и, к сожалению, почти неотъемлемые свойства свободного слова, обыкновенно сглаживаемые и стираемые цензурою, не могли бы, по убеждению нижеподписавшихся, столько же повредить публичному делу, которому обязываются служить они, сколько стеснения и недоверие правительства к нравственному смыслу русских людей, поставленных здесь этим же правительством у дела народного воспитания и образования»²¹.

Вечное чиновичье «как бы чего не вышло» просвещённый петербургский бюрократ Фукс сумел прикрыть соображениями деликатности: в докладе министру он отметил неудобство обсуждения передачи газеты новой редакции в присутствии прежнего редактора Берга. В ответ на это Тимашев «изволил приказать совещанию ограничиться обсуждением лишь общих вопросов об улучшении Дневников». В ходе дальнейшего обсуждения выяснилось, что «гг. Воронцов-Вельяминов и Щербальский ставят своё предложение в зависимость от предоставления им следующих льгот: расширения программы газеты, вполне хозяйственного ею распоряжения, увеличения казённой субсидии, предоставления в их пользу платы за казённые объявления, введение обязательной в крае подписки на газету, сохранения за редакцією и типографией казённого помещения, и наконец, права бесцензурного издания при официальном характере газеты». Между тем в записке Григорьеву Фукс утверждал, что «“Варшавский дневник” ни в каком случае не должен пользоваться тою свободою взглядов и суждений, какая может быть предоставлена частным изданиям», хотя «местные официальные издания могут быть несколько менее стеснены в этом отношении и литературная сторона может быть в них развита несколько более, чем, например, в “Правительственном вестнике”»²².

В январе 1876 г. уже Григорьев доложил министру, что «для правительства некоторые из предложенных условий совершенно неисполнимы... В таком положении дела, приходится, по-видимому отказаться от мысли обратить “Варшавский дневник” в издание официозное, не говоря уже о том, что вообще опыты официозных изданий, имевшие место в России, оказывались постоянно неудачными, и что нет никаких ручательств, чтобы лица, предложившие означенные условия, повели дело так успешно, как сами они того желают». Особо отмечалось им, что «настоящий редактор “Варшавских дневников”, профессор Берг – человек живой, отлично знающий положение Польши, прекрасно владеющий как русским, так и польский языком, и при том, писатель, заслуживший почётную известность в отечественной литературе». «Мне кажется, – полагал Григорьев, – что чем рассчитывать на невозможное или проблематическое, ближе было бы воспользоваться означенными его качествами для придания газете того значения и того интереса, которые желательны от неё». Всё это предлагалось «допустить лишь в виде опыта на текущий год»²³.

²¹ РГИА, ф. 776, оп. 11, д. 114, л. 24 об.–27 об.

²² Там же, л. 6–10 об.

²³ Там же, л. 46 об.–50.

Опыт оказался неудачным. В апреле 1877 г. Фукс докладывал: «Нельзя не прийти к убеждению, что все предпринимавшиеся с 1864 г. и сделанные казною пожертвования, к изданию в Привисленском крае официальной с литературным отделом газеты оказались тщетны: газета по-прежнему не интересна, по-прежнему не обеспечена к дальнейшему существованию, несмотря на правительственную субсидию. Едва ли можно предусмотреть какие-либо новые, ещё не испытанные меры к приданию интереса этой газете, главным образом, едва ли можно обеспечить её существование, в настоящем объёме, иными средствами, кроме усиления казённой субсидии»²⁴. 4 декабря 1879 г. Рыжов сообщил в Главное управление о получении им «предложения г. Варшавского генерал-губернатора... относительно преобразования “Варшавского дневника” на новых основаниях с переменою личного состава редакции... с назначением редактором этого издания статского советника кн. Н. Голицына под непосредственным моим ведением и наблюдением»²⁵. 21 декабря Л.С. Маков, сменивший А.Е. Тимашева на посту министра внутренних дел, получил Высочайшее соизволение на то, чтобы «вновь расширить программу “Варшавского дневника” и передать его в непосредственное и ближайшее заведование главного и местного представителя правительственной власти, в лице варшавского генерал-губернатора, с тем, чтобы он при издании газеты руководствовался особым положением, выработанным по взаимному нашему согласию»²⁶.

С назначением кн. Николая Николаевича Голицына, до конца 1879 г. только исполнявшего обязанности редактора, «Варшавский дневник» впервые активно включился в общественную полемику. Как публицисту и редактору, Голицыну не повезло – основная масса его современников видела в нём реакционного «злодея», от нашего же времени его заслонили монументальные фигуры Каткова, Леонтьева и Достоевского. Заслонили, в общем, заслуженно – по своему таланту Голицын заметно им уступал. Как эксперт по еврейскому вопросу он ещё в своё время был уличён в плагиате²⁷, а как автор «Словаря русских писательниц» он сейчас интересен разве что филологам и библиографам. Однако князь представлял собой достаточно колоритную фигуру, недостаток же собственных оригинальных мыслей он отчасти компенсировал искренностью и твёрдостью убеждений.

Голицын пользовался поддержкой К.П. Победоносцева и Т.И. Филиппова, а с 1880 г. – покровительством нового варшавского генерал-губернатора П.П. Альбединского, «проводившего большую часть своей службы среди знатной польской шляхты». Один из сотрудников «Варшавского дневника» позже характеризовал князя как «рьяного монархиста..., западника, склонявшегося, как и он (Альбединский. – А.К.), на сторону превосходства польской культуры над русской». «Наружным видом кн. Голицын напоминал собою барина добрых старых времён, – вспоминал И.И. Соневицкий. – Крупные, чрезвычайно выразительные черты лица с умным лбом и ласковым выражением голубых глаз; большая назад откинута голова, горделивая осанка, сознание своего достоинства и превосходства пред другими, – всё это покоилось на большом туловище. Князь был хромым и ходил на больших костылях; он с трудом мог грузно передвигаться из одной комнаты в другую, но выезжал в свет Божий не иначе как только в экипаже и без посторонней помощи. Он был человеком добродушным и никому не отказывал в помощи, материальной и нравственной, и снисходил к ближнему даже в таких случаях, когда это совсем не совпадало с его политической платформой... Это был идеалист в полном значении этого слова, но идеалист, далёкий от практической жизни»²⁸.

²⁴ Там же, л. 126–126 об.

²⁵ Там же, л. 247.

²⁶ Там же, оп. 1, д. 15, л. 51.

²⁷ Никитин В.Н. Удивительное беспристрастие. СПб., 1887. С. 3.

²⁸ Соневицкий И.И. Варшавский дневник при князе Н.Н. Голицыне // Русская старина. 1913. Т. 155. № 7. С. 148–150.

Первым значительным публицистическим выступлением кн. Н.Н. Голицына стала его обширная статья «Мысли вслух», в мае 1878 г. появившаяся на страницах «Гражданина». В этом тексте, посвящённом «делу Засулич», князь изложил свои политические взгляды, которые в дальнейшем не раз выражал в передовицах «Варшавского дневника». Начав с общих рассуждений «о злобе, которая народилась у нас давно, которая уже двадцать лет, как ветер, ходуном ходит по русской земле, как облако, гонимое ветром, которое так легко осязать, а уловить так трудно», Голицын переходил к характеристике общественных настроений, проявившихся во время процесса Засулич, «или попросту “Верочки”, как титуловали её *ses messieurs et ses dames*». Описание им «верочкиной недели» явно переключалось с отдельных сценами из «Бесов»: «Публика известного направления, т.е. огромное большинство залы, шумела и гоготала от восторга», после объявления приговора начались «настоящие сатурналии, о которых тяжело даже вспомнить», за ними последовали «настоящие оргии нашей интеллигенции и нашей печати». По словам князя, «завыли передовики, залаляли либералы..., загромыхали фельетонисты, засвистели и заулюлюкали все борзятники нашей печати»²⁹.

К сожалению, за этими строками терялся действительно серьёзный упрёк в правовом нигилизме, который Голицын адресовал русскому обществу: «Все толковали о *произволе и беззаконии*... Да дал ли кто-нибудь себе труд, хоть на суде, хоть вне суда, остановиться с минуту на мысли, где тут превышение власти, где тут произвол, где тут беззаконие? Никто не упоминал на суде об уставе о ссыльных (согласно которому Трепов приказал высечь Боголюбова. – *А.К.*), никто не читал его... Эти “многие” так равнодушно ведь относятся к административным законам, так благодушно, так принципиально желают их игнорировать... Закон полицейский, закон устанавливающий и охраняющий прерогативы правительствующей силы, той власти, которая одна может охранить и самый суд, и свободные учреждения, – для них как бы не существует». Оправдывая преступницу, предупреждал князь, «вы кладёте каждому гражданину в руки револьвер и нож, и разрешаете ему стрелять и резать». Поэтому-то, считал он, «произвол и беззаконие, напротив, царили в головах и действиях тех, кто участвовал в сатурналиях по этому делу»³⁰.

Во всём этом публицист усматривал признаки раскола общества: «Не только русская летопись, но как будто сама русская история, за всё это время, раскололась надвое. С одной стороны, сильный подъём народного духа, великие дела, совершённые Россией в последнее двадцатилетие... С другой стороны, и *одновременно*, резкие проявления подпольного мира, попытки извержения революционной лавы, враждебные демонстрации против правительства, власти и порядка, прокламация и пропаганда, – и всё это в самое тяжёлое, переживаемое нами время, когда политические затруднения и без того сложны и щекотливы, когда возможно разрешить их единственного дружным и совокупным отпором всех внутренних сил России». Красочных эпитетов удостоились в статье и сами русские революционеры: они изображались не только «кистинными варварами XIX столетия», но и «холопами», не имеющими «никакой ни духовной, ни умственной самостоятельности», не способными «взвесить, обсудить, откинуть, отнестись критически к учениям, доктринам и софизмам корифеев вашего мира, которые сделали вас навеки своими кабальными холопами». При этом, как прочие консерваторы, кн. Голицын принципиально отказывался видеть разницу между различными направлениями революционного движения: «Революционеры, нигилисты, атеисты, материалисты, позитивисты, социалисты, социал-демократы, интернационалисты, – все вы, кто в лес, кто по дрова, и только ненависть к России и правительству снаружи единит вас». «Рабы Марксов и петролейшиц» виделись автору статьи опасными безумцами, а потому он требовал от общества «заняться разработкою вопроса о том, где предел возможного, и где пределы абсурда»:

²⁹ Голицын Н.Н. Мысли вслух // Гражданин. 1878. 28 мая. № 20–21.

³⁰ Там же.

«Тут должны быть поставлены известные геркулесовы столпы. Тут должна играть роль особая политическая или историческая психиатрия, а психиатрия вообще, как ни гуманна её приёмы, не может до сих пор обойтись без горячечной рубашки для буйных»³¹.

Призыв изгнать «из русской истории» «орудия парижских коммунаров» и «итальянские нравы», место которым «только... на сцене, в весёлом балете», заглушал размышления князя о необходимости нравственного обновления общества. Голицын отмечал, что «власть предрержающая, нами управляющая и нас охраняющая, не может нести на себе одной всей тяжести, всего объёма и бесчисленных подробностей этой задачи; тем более, что зло гнездится и борьба будет сказываться в недрах не всегда ей доступных, в недрах семейных и задушевных, между “отцами” и “детьми”, рознь между которыми должна прекратиться». Помочь власти, по мнению князя, могло «направление консервативное», но сохраняющее не «формы», а только «те начала, которые неотъемлемо присущи русской крови и её обращению с одной стороны, а с другой – присущи идеалам и потребностям человеческого общества, которые отличают человека от прочих единиц создания»³².

Однако в 1878 г. кн. Голицыну не удалось обратить на себя внимание публики. Куда больший резонанс имела его статья «По прочтении депеши», вызванная ноябрьским покушением на Александра II. Впервые она была напечатана в берлинском издании «Гражданина» («Русском гражданине»), но в России вышла отдельным оттиском. В начале 1880 г. её в сокращённом виде перепечатали «Московские ведомости», причём 44-летнего Голицына там покровительственно называли «только что заявившим о себе молодым публицистом»³³. Текст действительно был написан очень эмоционально. Голицын с пафосом призывал общество покаяться и сплотиться перед лицом крамолы. Теперь главным объектом его критики были не столько «злодеи-Катилины», сколько сторонники либеральных реформ – «безмолвствующие Искарיותы», требующие «государственного переустройства» «по шаблону их мечтаний и желаний», и готовые подтолкнуть «вражью силу» «на новое злодейство, дабы тем скорее пододвинуть тот идеал, о котором они мечтают»³⁴. Риторически обращаясь к либералам и революционерам, князь противопоставлял два типа прогресса: первый, «умеющий единить веру в Бога с новейшими изобретениями, с паром, телефонами и микрофонами, добродетель с железными дорогами», и второй – «тот оффенбаховский канкан с весёлым припевом “*Bu' qui s'avance*”, с которым вы (либералы и революционеры. – *А.К.*) прошли вдоль и поперёк всю Русь, сиюсь превратить её в какую-то “*Russie du tra-la-la*”»³⁵. При этом автор вновь утверждал, что «сильные нервные болезни не лечатся эфиром, но Вольтовым столбом». Общество так «морфинизировалось и анестезировалось», что необходимо прибегать к «производству потрясающего возбуждения, искусственного дыхания» и, соответственно, «кто не в одежде брачной, да будет извержен»³⁶. «Долой перчатки, скорей кольчугу и меч, – восклицал Николай Николаевич. – За нами – Бог и Русь! За вами – коммунa и обезьяна!...»³⁷ Впрочем, ничего особо кровавого в статье не было: автор специально оговаривал, что «меч» имеется в виду «духовный», и завершал своё выступление апелляцией к словам Хомякова о «таинстве свободы»³⁸.

Однако в условиях того времени брошюра была прочитана именно как «экстремистская». Писатель А.В. Половцов даже сочинил в ответ целое «Открытое письмо», в

³¹ Там же.

³² Там же.

³³ Московские ведомости. 1880. № 19. 20 января.

³⁴ Голицын Н.Н. По прочтении депеши. СПб., 1879. С. 1–3.

³⁵ Там же. С. 10–11.

³⁶ Там же. С. 4–5.

³⁷ Там же. С. 12.

³⁸ Там же. С. 16.

котором чистосердечно признавался в том, что ни «Варшавского дневника», ни других «трудов» кн. Голицына «в руках не держал», но брошюру решительно осуждает³⁹. Как отмечал Половцов, непонятно было, к кому собственно обращался князь – для народа его статья была написана слишком сложно, для интеллигенции – слишком примитивно⁴⁰. «Вы кидаете грязью в “русскую интеллигенцию”, – негодовал автор “Письма”, – воображая, что Вашего приёма не поймут, что Вам удастся посеять раздор между представителями власти и представителями общественного мнения. Нет, Вам этого не удастся! Все русские деятели, от высших до последнего газетного сотрудника – это одна интеллигентная семья, работающая для одного общего дела. Плохие и злонамеренные люди в счёт нейдут. Такие найдутся везде»⁴¹. Трудно сказать теперь, кто оказался в этой ситуации большим идеалистом: призывавший в своей брошюре «воскресить древнерусских богатырей» консерватор Голицын или веривший в единство интеллигенции честный либерал А.В. Половцов?

Так или иначе, кн. Н.Н. Голицыну действительно принадлежит заслуга превращения «Варшавского дневника» в серьёзное общественно-политическое издание. С января 1880 г. объём газеты увеличился, там появляются довольно яркие политические статьи. Ещё в декабре 1879 г. к участию в «Варшавском дневнике» был привлечён К.Н. Леонтьев⁴². Именно в «Варшавском дневнике» появились самые яркие леонтьевские формулировки: например, про «либералов, которыми заборы подпирают»⁴³ или про «давление трёх атмосфер – чиновничьей, помещичьей и церковной», необходимое миллионам русских для того, «чтобы Пушкин мог написать Онегина и Годунова, чтобы построился Кремль и его соборы»⁴⁴. Наконец, там была напечатана и самая, пожалуй, доходчивая «революционно-консервативная» статья Леонтьева «Полезно ли самоуправство на улице?». В этой коротенькой заметке рассказывалось о том, как на варшавской улице некий негодяй толкнул в грязь бедную старушку и как прохожий «комиссионер», вместо того, чтобы скучно и по-европейски тащить злодея в суд, красиво поколотил последнего. Завершалась статья философским выводом: «Мы предпочитаем сложность и драму *истории* безмыслию земного абсолюта»⁴⁵.

Однако были в газете любопытные статьи и других авторов. Так, крайне интересна неподписанная заметка об учреждении Общества для покровительства детям. Начинаясь она в характерном для тогдашнего «Дневника» язвительном тоне: «В главном центре нашего либерализма, в Северной Пальмире, где люди так благовольтельны и мягки, так воздушно-чувствительны, что спрашиваешь себя – не ходят ли они по улице в розовом трико всеобщего человеческого благоденствия и равенства, – в этой Северной Пальмире теперь в ходу новая *затея*, весьма прогрессивная и либеральная». Риторически спросив читателя, не случилось ли в России нового виффлеемского избияния младенцев, автор отмечал, что «нечто подобное приснилось русским либералам по поводу двух уголовных дел о жестоком обращении родителей с детьми, одно – в среде мещанской, другое – в среде мелкого дворянства... Два случайные факта, проявившиеся в крайне грубой среде, обобщены со свойственной либеральной прессе развязностью до

---

³⁹ По свидетельству своего двоюродного брата А.А. Половцова, Анатолий Викторович был «очень честным, твёрдым человеком с примесью идеализма, подчас весьма комичного» (*Половцов А.А. Дневник государственного секретаря: в 2 т. Т. II. М., 2005. С. 256*). Эта характеристика вполне подтверждается и его последующей литературной деятельностью.

⁴⁰ ОР РНБ, ф. 601, д. 167, л. 1.

⁴¹ Там же, л. 11–14.

⁴² *Фетисенко О.Л. К. Леонтьев и «Варшавский дневник» // Леонтьев К.Н. Полное собрание сочинений и писем в 12 т. Т. 7(2). СПб., 2006. С. 760–791*. Леонтьевские статьи, между которыми есть такая хрестоматийная, как «О всемирной любви», впоследствии многократно переиздавались, иногда, как отмечает О.Л. Фетисенко, с существенными изменениями, не всегда учитываемыми современными исследователями (*Фетисенко О.Л. «Гептастилисты»... С. 36*).

⁴³ *Леонтьев К.Н. Полное собрание сочинений и писем. Т. 7(2). С. 120*.

⁴⁴ Там же. С. 25.

⁴⁵ Там же. С. 227.

характеристики всей русской семьи и всего русского семейного быта. Одним словом, затеяно что-то такое, что должно само собою противодействовать злу, автоматически бороться с чем-то, соваться всюду и вносить свои порядки»⁴⁶.

В статье указывалось, что в русской семье давно уже отсутствует «избыток строгости и дисциплины»: «Вообще трудно отыскать русское семейство, где бы родители наказывали, секли своих детей, или прибегали к потасовкам. Ну, да и дети, разумеется, вырастают и формируются по той же системе лакрицы и патоки... Уже давно в русской семье родители не смеют, что называется, “тронуть росинки”». Попытки вмешательства в дела семьи, по мнению автора, были связаны с социалистическими идеями и происходили «всё отсюда же, из желания создать земной рай, из желания преподнести каждому земное блаженство, из страсти к переустройству и улучшению всего мира нашими “мироправщиками”». Социалистическим устремлениям «мироправщиков» в статье противопоставлялась вполне традиционалистская идея неприкосновенности и святости семейного очага: «Судьба, охранение, благо, здоровье, воспитание детей, всё это поручено Богом только их родителям; при отсутствии же их, членам кровного союза или рода... Тут не может быть ни чьего вмешательства, и дети достаточно охранены телесно, но и так сказать, физическим чувством единения – “плоти от плоти и крови от крови”, которое питает к своим детям всякий отец и всякая мать. И в мире животном, самые пантеры и львицы нежно любят и кормят своих детей. Один крокодил, говорят, поедает своё племя... За то он и крокодил!». Для укрепления русской семьи предлагалось побороть в ней распущенность, а защиту детей в случае действительно жестокого с ними обращения автор желал поручить восстановленным «семейным советам», существовавшим ранее в Царстве Польском⁴⁷.

Обновлённая кн. Н.Н. Голицыным и К.Н. Леонтьевым газета имела определённый успех. Леонтьев радовался, что «Варшавский дневник» «входит в моду у властей в Петербурге и здесь у публики». Как отмечал В.В. Крестовский (спустя годы сам ставший редактором издания), новая редакция «начала смело, хорошо, оригинально, так что петербургская “пресса” с первых же номеров поняла, что с вами надо считаться на серьёзную ногу»⁴⁸. Однако другой сотрудник «Варшавского дневника» вспоминал, что передовицы «производили среди многочисленной русской колонии в Варшаве как раз обратное впечатление»: «Это был искусственно пущенный и внезапно таявший в воздухе фейерверк, не причинивший никому вреда, но и не сделавший никакого добра»⁴⁹. Между тем Голицыну так и не удалось найти выход из финансовых затруднений. В том же 1880 г. из газеты уходит Леонтьев, тяготившийся её провинциальностью.

Не имела успеха и «политика примирения» с поляками. На страницах «Дневника» появлялись, например, «Политические беседы» Тадеуша Семенги, автор которых исходил из того, что «соединение разорванной Польши произойдёт не сегодня и не завтра». «Когда и с чьей помощью свершится это дело – нам ещё не известно..., – рассуждал он, – а меж тем нашим русским провинциям нужно жить сегодня, и сегодня же необходимо урегулирование взаимных отношений»⁵⁰. Считая главным врагом Польши «безбожную, развратную, отрицающую всякие авторитеты, руководствующуюся животными инстинктами» партию, которая «попирает ногами общественные узы, семью, собственность, все принципы чести», Семенга желал «слить воедино русские военные освободительные силы с нашими народными». Это, по его мнению, могло бы произойти, «пусть только дружеская рука смеет бросить искру, от которой вспыхнет вся страна до крайних своих пределов, и загорится пламя даже там, где по мнению многих нет никакой пищи для народного огня». В воображении автора возникали фантастические картины: «Мы все ринемся к одному знамени и частные имущества будут принесены в

⁴⁶ Варшавский дневник. 1880. № 14. 17 января.

⁴⁷ Там же.

⁴⁸ Леонтьев К.Н. Полное собрание сочинений и писем. Т. 7(2). С. 784.

⁴⁹ Соневицкий И.И. Указ. соч. С. 149.

⁵⁰ Варшавский дневник. 1880. № 29. 7 февраля.

жертву народному делу. У нас такие чудеса творятся в одну минуту. Этой верой, этой волшебной силой будет Польша, её знамя, выставленное в Варшаве»⁵¹. «Варшавский дневник» даже пытался полемизировать с М.Н. Катковым, видевшим, как известно, в русском революционном движении «польскую интригу». «“Польская справа”, – утверждалось на его страницах, – составляет какой-то излюбленный конёк нашей авторитетной газеты, который примешивается ей кстати и некстати (к сожалению, всего чаще – некстати), к толкам и рассуждениям о русской смуте... “Московские ведомости” очевидно остались не только при прежнем взгляде, но и при прежних *познаниях* в польском деле, как бы не желая вовсе видеть тех огромных перемен..., которые совершились за последние 15 лет в глубях и высях польского вопроса». По мнению Семениги, польские националисты не могли быть солидарны с революционерами уже потому, что последние «прежде всего ратуют против идеи национальности». Кроме того, он уверял, что в польском обществе в последние годы начало проявляться движение в пользу сближения с Россией⁵². Разумеется, это было иллюзией. Характерно, что привлечённый редакцией польский сотрудник Розражевский оказался жуликом. Но главное – не удалось замышлявшееся Голицыным строительство «золотого моста» для «примирения» с польской прессой. Её редакторы, «не входя ни в какие рассуждения, считали угодную политику для своей национальной sprawy прямо убийственной и наотрез отказывались от всяких переговоров»⁵³.

Судя по всему, к 1881 г. кн. Н.Н. Голицын утратил интерес к публицистической деятельности. «Князь по-прежнему предпочитает держать корректуры, чем сочинять передовые статьи, – отмечал цензурировавший газету К.А. Губастов. – Я начинаю думать, что он это делает просто от лени и за неимением мыслей»⁵⁴. И.И. Соневицкий вспоминал, что «за исключением некоторых моментов, когда у князя по поводу каких-нибудь выдающихся событий... проявлялись вспышки публицистического таланта..., он, можно сказать, почти не интересовался своей газетой, даже не читал её»⁵⁵. В итоге в передовицах о «катастрофе 1 марта» повторялись целые абзацы из статей конца 1870-х гг., дополнявшиеся лишь пафосными словами о том, что «трагические типы Шекспира, трагические идеалы классического мира, Эдипы и Лиры – ...лишь слабые тени в сравнении с потрясающим трагизмом нашей русской современности»⁵⁶. «Варшавский дневник» снова превратился в скучную местную казённую газету: к 1883 г. там остаётся в основном перепечатанная из других газет хроника, переводная беллетристика и объявления. 31 октября 1883 г. вышла прощальная передовица кн. Голицына, в которой он с гордостью сообщал, что за время его руководства тираж газеты вырос до 1 тыс. экземпляров, а сама она «сделалась сразу притчею во языцех»: «...Над нею издевались, её сделали синоним отсталости, тупости и т.д. Всё это было для нас лично очень лестно, так как очевидно исходило из уязвлённого чувства враждебного лагеря»⁵⁷.

Следующим редактором наконец-то стал многократно публиковавшийся в ней П.К. Щебальский, к тому времени уже ушедший со службы по возрасту и состоянию здоровья. Он в первой же своей передовой статье попытался придать газете вид относительно независимости: «В России существует и может существовать только одна правительственная (точнее, официальная) газета – “Правительственный вестник”. В нашей же газете официальный характер имеет лишь отдел правительственных распоряжений. Затем, в остальных частях своих “Дневник” может быть назван правительственным единственно в том смысле, что он не имеет анти-правительственного, за-

⁵¹ Варшавский дневник. 1881. № 40. 18 февраля.

⁵² Там же. № 53. 11 марта.

⁵³ Соневицкий И.И. Указ. соч. С. 154.

⁵⁴ Леонтьев К.Н. Полное собрание сочинений и писем. Т. 7(2). С. 768.

⁵⁵ Соневицкий И.И. Указ. соч. С. 154.

⁵⁶ Варшавский дневник. 1881. № 46. 3 марта.

⁵⁷ Там же. 1883. № 293. 31 октября.

ведомо оппозиционного характера... Руководитель “Дневника” может, следовательно, быть человеком с убеждениями, подходящими под убеждения правительства, из чего, однако, отнюдь не следует, чтоб каждое слово его было вещанием правительственной власти». Щебальский указывал, что местная власть не отвечает за мнения «Варшавского дневника», и обещал исправить тот «недостаток живости», который был свойствен газете в предыдущие годы⁵⁸.

Пётр Карлович искренне проводил в «Варшавском дневнике» катковскую линию, обличал нигилизм и революционное движение в Европе⁵⁹, печатал много статей по университетскому вопросу, который приобрёл особую остроту со времён нашумевшего «дела Любимова»⁶⁰. Публикуя приветствие открывшимся «Известиям Славянского благотворительного общества», Щебальский вполне в духе Каткова напоминал, что «истинные нужды и потребности народа» самодержец вполне может знать и учитывать без «формально существующего народного представительства»⁶¹.

В духе «Московских ведомостей» выдержаны были и выступления «Варшавского дневника» по польскому вопросу. Если Голицын пытался добиться «примирения», а Леонтьев вообще считал национализм и русификацию «хитроумным изворотом революционного Протeya», то Щебальский стал на вполне националистическую точку зрения: активно боролся с немецкой колонизацией Польши, защищал права русинов в Галиции, отстаивал привилегии русских чиновников. Их необходимость в Привисленском крае объяснялась, по его мнению, тем, что приехавший из России «благодаря своей национальности... попадает и на худшую квартиру, за которую заплатит более высокую против существующей цену, и прислуга к нему попадётся поплоче, взяв опять с него дороже, да и та будет исполнять свои обязанности хуже и с меньшею охотой, чем у своего единоплеменника. Одним словом везде, куда бы русскому человеку здесь ни пришлось обратиться, чтобы купить или нанять что-нибудь, он получит худшую вещь за более дорогую цену»⁶².

Через некоторое время после смерти Щебальского, в мае 1886 г. редактором «Дневника» стал П.А. Кулаковский, раньше тоже уже многократно в нём публиковавшийся. Знаменитый филолог прежде активно сотрудничал в «Руси» и «Московских ведомостях» и имел за плечами нелёгкий опыт общения с сербами, которые, по словам одного из тогдашних славянофилов, в своём стремлении к европеизации нередко были «те же поляки»⁶³. Кулаковский желал сделать свою газету общеславянской. Вместе с тем Платон Андреевич счастливо сочетал славянофильские взгляды с катковским практицизмом и политическим чутьём. Если И.С. Аксаков, на свою беду, всегда говорил, что думал, то Кулаковский, к примеру, вполне мог в печати хвалить обучавшихся в России сербов как носителей «более высокого чувства любви к родине»⁶⁴ и одновременно в личной переписке ругать их последними словами. «Между воспитанниками русских университетов и академий – сербами – тут ни одного человека, которого можно было бы назвать *учёным, образованным, скажу ближе – вполне честным* человеком..., – заявлял он. – Всё это или круглые невежи, или какие-то ничтожные люди»⁶⁵. Глубокое знание сербского характера, в частности, «их умения эксплуатировать русского»⁶⁶, удерживало Кулаковского от всякой идеализации южных славян. Ему была очевидной невозможность полной внешней самостоятельности для такой страны, как Сербия, но он не сомневался в том, что «русское влияние для

⁵⁸ Там же. № 336. 16 ноября.

⁵⁹ Там же. 1886. № 67. 25 марта.

⁶⁰ Подробнее об этом см.: *Котов А.Э.* «Дело профессора Любимова»: власть и общество в борьбе за университет // Университетский научный журнал. 2012. № 2. С. 63–77.

⁶¹ Варшавский дневник. 1883. № 237. 17 ноября.

⁶² Там же. 1886. № 42. 20 февраля.

⁶³ ОР РГБ, ф. 126, оп. 1, д. 7, л. 174 об.

⁶⁴ *Кулаковский П.А.* Сербия в последние годы // Русский вестник. 1883. № 4. С. 762.

⁶⁵ ОР РНБ, ф. 14, д. 190, л. 7.

⁶⁶ Там же, ф. 377, д. 833, л. 1 об.

Сербии – это синоним предоставления Сербии полной свободы развиваться внутри совершенно своеобразно, укрепляться и готовиться к будущему своей страны и своего народа, разбитого ныне на части»⁶⁷.

Главное достоинство публицистики Кулаковского отметил в одном из своих писем к нему А.А. Киреев: «У Вас все вопросы, все факты, о которых Вы пишете, не оставляются на своём уровне, а выводятся к какому-нибудь высшему синтезу. Только такие писания и могут служить к пользе читателей, в искусстве такому направлению (к высшему синтезу) – соответствует *идеализация*... Мне казалось, я видел в Ваших статьях, что мы пошли прежней дорогой и полагаю (и полагаю), что Вы можете взяться за любое дело. Обстоятельство это крайне важно, важнее всяких других»⁶⁸. При этом Платона Андреевича, в отличие от К.Н. Леонтьева, вовсе не смущала провинциальность издания. Наоборот, когда Киреев во время дележа катковского наследства предложил ему место редактора «Московских ведомостей», он предпочёл остаться во главе своей «маленькой, но всё же имеющей значение газеты»⁶⁹.

Обсуждая в переписке с Киреевым тогдашнее состояние консервативной журналистики, Кулаковский утверждал, что если в катковские времена требовалась жёсткость, то теперь «нужно выступить в борьбу не только с беспринципным, изломанным “либерализмом”, но и с теми, кто не по разуму консервативен, это долг честной свободной публицистики, служащей Государю и Отечеству»⁷⁰. Борясь с догматическим «революционным консерватизмом», Кулаковский сам нередко оказывался отнюдь не на консервативных позициях. Так, в июле 1886 г. «Варшавский дневник» в выражениях, характерных скорее для либеральной прессы, обличал многочисленные нарушения, допущенные проавстрийским правительством Милана Обреновича во время выборов в сербскую скупщину: «Все старания гг. напредняков с тех пор, как Сербия имела несчастье попасть под их власть, привлечь симпатии народа к ним, оказались напрасными... Ибо каким образом можно иначе объяснить самую бессовестную подтасовку со стороны правительства на выборах депутатов, самое деспотическое преследование всех тех, кто не хотел голосовать за кандидата, выставленного правительством? Дело доходило до того, что за подачу голоса в пользу кандидата оппозиции учитель гимназии пересаживался со своей учительской кафедры в козлы почтовой кареты и “для пользы службы” назначался кучером!.. Во время выборов те, о коих было известно, что будут голосовать против правительства кандидата, не допускались к избирательной урне, подвергались арестам, попадали в кутузки и т.д.»⁷¹

Главный противовес правившей в Сербии напредняцкой партии Кулаковский, как известно, видел в сербских радикалах. «Теперь, – писал он И.С. Аксакову ещё в 1879 г., – здесь они представляют здоровый элемент народности и изо всех сил проповедуют о спасении сербской народности от Австрии... В этом сознании опасности, грозящей сербам от Австрии, как в горниле найдут своё очищение все комичные стороны сербского радикализма: так нужно – по крайней мере – надеяться»⁷². Между тем идеология сербского радикализма, по сути, основывалась на принципах национализма и демократии⁷³. Схожих, «национально-демократических», убеждений придерживался при освещении национального вопроса и Кулаковский. России, утверждал он в «Варшавском дневнике», «решительно нет никаких причин искать компромиссов с поляками», однако «трудолюбивая часть польского народа» всегда будет пользоваться и поддержкой русской власти, и дружбой простого русского народа⁷⁴. В начале 1890 г. он с

⁶⁷ Варшавский дневник. 1889. № 55. 8 марта.

⁶⁸ ОР ИРЛИ, ф. 572, д. 145, л. 5.

⁶⁹ Там же, д. 50, л. 1.

⁷⁰ Там же, л. 1 об.–2.

⁷¹ Варшавский дневник. 1886. № 150. 11 июля.

⁷² ОР РНБ, ф. 14, д. 190, л. 2–2 об.

⁷³ См.: *Шемякин А.Л.* Идеология Николая Пашича. Формирование и эволюция (1868–1891). М., 1998.

⁷⁴ Варшавский дневник. 1889. № 182. 21 августа.

гордостью писал о последствиях введения либеральных институтов в Остзейском крае: «Ныне борьба с сепаративными окраинами ведётся у нас теми средствами, которые даёт *культура*. Стоит вспомнить, что происходит в Прибалтийской окраине... Не думаем, чтобы и завзятые “прибалтийцы” сами могли думать, что их прежние устарелые суды с пытками и средневековыми формами в каком бы то ни было отношении лучше гласного русского суда»⁷⁵.

В сущности, в сословных и национальных вопросах Кулаковский оставался продолжателем М.Н. Каткова и либеральных славянофилов. Любопытно, что некоторым современникам-аристократам главной чертой «многочисленной партии» Каткова и Победоносцева представлялся «какой-то *бессознательный демократизм*»⁷⁶. «Основным догматом этой партии особого сорта было самодержавие, не царя только, но и того чисто русского большинства, которое будто бы ошибаться не может никогда, – отмечал Н.Ф. Головин. – Упускалось из виду, что под этим, на первый взгляд благонадёжным течением, скрывалось иное – преклонение перед густыми народными массами, перед всеми их верованиями, привычками и суевериями... Наиболее распространённым идеалом тогдашнего общества было единство в самой грубой его форме»⁷⁷.

В 1889 г. «Варшавский дневник» вступил в прямую полемику с «Гражданином», редактор которого, кн. В.П. Мещерский, разделяя леонтьевские взгляды, рассматривал национализм как проявление «революционного движения». «Вопияния “Гражданина” о вреде национальных начал для русской политики» Кулаковский сравнивал с тем, что провозглашалось «несомненно нигилистическим органом болгарского правительства “Свобода”, во главе которого стоит известный член нигилистической женевской шайки Захария Стоянов». «Нужно ли разьяснять, – продолжал публицист, – кто поднимал народный дух и творил великие дела в трудные минуты русской жизни: этот ли проклинаемый национализм, – или *антинационализм*, перешедший всевозможные стадии, начиная с поклонения Европе “Голоса” до либерализма “Русского курьера”, и нашедший ныне приют в своеобразном консерватизме “Гражданина”?»⁷⁸.

В целом, после ухода кн. Голицына «Варшавский дневник» стал более содержателен как благодаря оригинальным материалам, поступавшим из балканских стран, так и вследствие готовности удовлетворить запросы читателей не только в политическом, но и в познавательно-развлекательном чтении. В конце 1880-х гг. газета печатала множество заметок, посвящённых медицине и гигиене, обсуждала проблему варшавской канализации. В результате, в начале XX в. современники отмечали, что «Варшавский дневник» «прочно занимает подобающее ему место среди русской прессы, и издание это вполне обеспечено в материальном отношении, давая весьма солидный доход»⁷⁹.

В 1880-е гг. на страницах «Варшавского дневника» были представлены все направления тогдашнего русского консерватизма: сословно-дворянское (кн. Н.Н. Голицын и К.Н. Леонтьев), этатистское (П.К. Щербальский) и славянофильское (П.А. Кулаковский). Взгляды каждого из них содержали в себе тот или иной элемент, ассоциировавшийся тогда с революцией: либо правовой нигилизм, либо демократизм и либеральный национализм. Вместе с тем, то, что отечественные «охранители» 1880-х гг. не являлись «ретроградами» и «реакционерами», ещё не гарантировало успеха их пропаганды. Общество судило о существующем строе не по словам идеологов, а по делам властей, которые к концу десятилетия вызвали заметное разочарование у самих консерваторов.

⁷⁵ Там же. 1890. № 1.1 января.

⁷⁶ Головин К.Ф. Мои воспоминания за 35 лет... Т. 2. С. 38–40.

⁷⁷ Там же.

⁷⁸ Варшавский дневник. 1889. № 98. 1 мая.

⁷⁹ Соневицкий И.И. Указ. соч. С. 156.